

РАЗНОВИДНОСТИ ЖАНРА ДНЕВНИКА

© М. В. Ромашкина

*Московский государственный университет
Россия, 119991 г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1.*

Тел.: +7 (495) 939 32 77.

Email: m.romashkina@mail.ru

Статья посвящена аспектам дневникового жанра. Цель статьи – определение областей науки, для которых дневниковый жанр представляет интерес и на основании этого создание классификации дневникового жанра. В настоящей работе дано бинарное членение жанра дневника – дневники-черновики и бытовые дневники. Дневники-черновики – это не только дневники писателей, но художников и других деятелей искусства, а также политиков и общественных деятелей. Бытовые дневники зачастую описывают психологическое состояние автора или его взаимоотношения с другими людьми. Обычно дневники сочетают в себе элементы как черновики, так и бытовых дневников.

Ключевые слова: литературоведение, дневники, черновики, мемуары, мемуарная литература.

В процессе изучения жанра дневника исследователи сталкиваются со следующей проблемой: тексты, источники, относящиеся к XVI–XVII вв., крайне малочисленны, поэтому каждый из них представляет интерес для изучения, а начиная с XVIII в. количество дневниковых записей, составляемых людьми различных сословий, возрастов и положений, возрастает в десятки тысяч раз. Появление художественной формы дневника в XVIII в., а также пародий на дневник в XIX в. (как, например, книга «Дневник Никого» («The Diary of a Nobody») Джорджа Видона Гроссмита) свидетельствует о растущей популярности этого жанра. Однако обратной стороной подобной распространенности стало то, что далеко не все создаваемые дневники стали попадать под призму исследователей, а значит, отнюдь не каждый созданный дневник стал доступным для широкой аудитории. Таким образом, текст становится значимым уже не ради жанра, поскольку основные черты его к этому моменту уже сформированы, а из-за конкретного автора или ситуаций, описанных в дневнике.

Кто же интересуется исследователей дневников? Если обратиться к библиографиям дневников, созданных, в частности, на русском, английском, немецком и французском языках (в данной статье автор использовал следующие библиографии: труд Филиппа Лежена и Катерин Богар «Дневники. История и антология» («Le Journal intime, Histoire et anthologie») [1], книгу Рональда Блюта «Удовольствие от дневника» («The pleasure of diaries») [2], работу «Европейские дневники за четыре столетия. Мотивы и антология» («Europäische Tagebücher aus vier Jahrhunderten: Motive und Anthologie») [3] Гюстава Рене Хока, а также исследование П. А. Зайончковского «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях») [4], представленные там тексты можно будет условно разделить на четыре группы. Наиболее многочисленную составляют дневники писателей (Л. Н. Толстой, Ф. Кафка, А. Камю). К ним примыкают дневники тех, кто был близко знаком с тем или иным автором, принадлежащие, в частности, Софье Андреевне Толстой, Корнелии Гете, Дороти Вордсворт и др. Часто встречаются дневники деятелей искусства, композиторов (С. Прокофьев), художников (Э. Делакруа), режиссеров (А. Тарковский), музыкантов (Курт Кобейн). Также интерес исследователей вызывают дневники, созданные в тот или иной кризисный период, во время глобальных потрясений. В эту категорию входят, в частности, дневники, созданные в период Второй мировой войны (дневники Анны Франк, Хелен Берр, Эtti Хиллесум, Тани Савичевой и др.). Описываемые в этой категории потрясения могут быть также личного

характера, болезнь, тюремное заключение и проч. Наконец дневники исторических деятелей различных эпох – это еще одна категория важных для исследователей дневников. Сюда относятся дневники Бенджамина Констана, Че Гевары, Йозефа Геббельса и др.

Подобное распределение позволяет легко увидеть, в поле интересов каких ученых будут находиться тексты тех или иных авторов. Для литературоведов интерес будет представлять в первую очередь дневники писателей, содержащие зачастую информацию о том, какое событие послужило причиной для создания того или иного произведения, а также наброски, черновики будущих работ. Особое значение для историков литературы будут иметь также дневники близких писателям людей, поскольку они позволяют проследить, какие обстоятельства сопутствовали созданию того или иного текста. Для историка актуальность дневника исторического или политического деятеля определяется тем, что последние зачастую обладают информацией, которая не всегда доступна будущим поколениям.

Еще одна наука, для которой дневник будет являться источником знания, – это психология. Помимо дневников, авторами которых являются ученые-психологи, например, дневники Карла Юнга, создание любого дневника – это рефлексия, раздумья над совершаемыми и задуманными поступками, попытка разобраться в собственных чувствах, мыслях, переживаниях, именно те аспекты, которые входят в поле деятельности современной психологии. Мартин Юргенсен в книге «Художественное Я» [5] упоминает среди прочих «психологических» особенностей дневника то, что написанный для самого себя, обращенный только к себе, дневник подчеркивает, что пишущий возлагает ответственность за происходящее в его жизни, за описанное в дневнике только на себя, не стремится разделить ее с кем-либо» [5, с. 342].

Об аналогичном распределении наук, для которых дневник представляет интерес, говорит и Анна Зализняк в статье «Дневник: к определению жанра» [6]. Она также предлагает рассматривать дневник как пример коммуникативной деятельности, отмечая, что с этой точки зрения он будет актуален для лингвистов и нарратологов. Однако если для литературоведов, историков и психологов дневник в ряде случаев будет уникальным материалом, то для нарратолога это будет лишь один из примеров, иллюстрирующих ту или иную концепцию.

Отметим, что в указанной работе Анна Зализняк пишет, что «дневники любых авторов» могут попасть под призму историка. Однако здесь следует обратить внимание на то, что в дневниках далеко не всех авто-

ров можно проследить четкую связь между историческими событиями, сопутствующими созданию текста, и повседневными записями. Так, в дневниках Франца Кафки записи 1914–1918 гг. практически не содержат отсылок к клокочущей в этот период в мире Первой мировой войне.

Один из вопросов, которым задаются литературоведы – зачем создаются дневники. Вопрос этот не праздный вследствие тех признаков, особенностей дневников, о которых уже говорилось ранее. Прежде всего, дневник – жанр, доступный для разных профессиональных и социальных групп, поэтому исследователи зачастую пытаются понять, что же заставляет политиков, актеров, художников и представителей всех других профессий, совершенно не обязательно творческих, братья за перо и переносить на бумагу те или иные события, относящиеся как к их личной жизни, так и к общественным явлениям. Безусловно, мы не можем говорить о внутренних мотивах, побуждающих людей к подобным действиям. Более того, практически в каждом дневнике читатель без труда обнаружит этот вопрос – зачем я пишу дневник? – обращенный автором дневника к самому себе. Поскольку, по словам Манфреда Юргенсена, «сущность всякой литературы – это выражение и сообщение» [5, с. 237], тематика дневника, события, явления, которые находятся в центре повествования, позволяют без труда определить, что было для автора наиболее значимым при создании текста.

Исследователи, а в настоящей работе мы основываемся в первую очередь на книгах уже упомянутого ранее Мартина Юргенсена «Вымышленный я» [5], Ральфа Райнера Вутену «Европейские дневники» [7], Томаса Меллона «Своя личная книга: люди и их дневники» [8], Ролана Барта «Ролан Барт о Ролане Барте» [9], предлагают различные концепции классификации дневников, исходя их функции. Степень детализации в разных работах различна, однако очень многие предлагаемые типы совпадают в разных исследованиях. Все ученые выделяют дневники-черновики, своеобразную «мастерскую» автора. Другой подвид – это описание повседневной жизни автора, еще один – фиксация исторически значимых событий, сюда же будут относиться дневники, знакомые читателю тем, что они были созданы в значимый для историков период, как, например, дневники Анны Франк. Об еще одной функции упоминает Томас Меллон – дневники-апологии (apologists) и дневники-исповеди. Эти два подтипа очень близки друг к другу по типам повествования и изложению событий, однако, замечает Меллон, в первом случае автор убежден «я был прав», в то время как в дневнике-исповеди он восклицает – «я ошибался!» [8]. Эти дневники, замечает Меллон, ведутся обычно со значительно большей секретностью, и потому именно они чаще становятся предметом подражания, именно они переносятся в художественную литературу, ведь они содержат в себе тайну, загадку (записи из дневника героини рассказа Ивана Бунина «Легкое дыхание» Оли Мещерской, «Наследство» Вирджинии Вульф, «Конец одного романа» Грэма Грима). Также отдельно исследователи отмечают дневники, созданные в период психологического потрясения – болезни, наркотического опьянения, тюремного заключения.

Однако большое количество подтипов, выделяемое исследователями при анализе жанра дневника, усложняет дальнейшее изучение, поскольку границы между составляющими различными классификаций становятся все более размытыми. Поэтому мы в настоя-

щей работе будем придерживаться следующей бинарной оппозиции: дневники-черновики, к которым будут относиться дневники писателей, художников, историков, политиков, всех тех, для кого текст дневника является некой «ступенькой» к созданию дальнейшего произведения, работы, и повседневные, бытовые дневники. Основой для подобного разделения будет также являться тот фактор, который мотивирует создателя дневника «взяться за перо», т.е. какой путь проходит автор: от творчества, работы к дневнику или, напротив, от дневника к творчеству. Такое разделение также позволит нам ответить на вопрос о сокровенности, интимности жанра. Ведь те, кто создают дневник-черновик, так или иначе задумываются над тем, что их произведение и зарисовки его будут опубликованы. В случае же бытового дневника, вопрос об обнародовании, публикации зачастую не стоит.

Для писателей, поэтов дневник – это часто черновик будущих произведений. Зарисовки, наброски к будущим повестям можно найти в дневниках большинства писателей. Так, в дневнике Франца Кафки от 18 сентября 1912 г. мы находим следующий набросок: «Четверо съели вкусно приготовленное жаркое из кошек, но лишь трое знали, что они ели. После еды эти трое начинают мяукать, но четвертый не хочет верить – только тогда, когда ему показали окровавленную шкуру, он поверил, не смог быстро выбежать, чтобы его вырвало, и две недели тяжело болел» [10, с. 86]. Несмотря на то, что целиком эта зарисовка так и не получила художественного воплощения, в следующей записи мы видим: «23 сентября. Рассказ «Приговор» я написал одним духом в ночь с 22-го на 23-е, с десяти часов вечера до шести часов утра. Еле сумел вылезти из-за стола – так онемели от сидения ноги. Страшное напряжение и радость от того, как разворачивался предо мной рассказ, как меня, словно водным потоком, несло вперед. Много раз в эту ночь я нес на спине свою собственную тяжесть. Все можно сказать, для всех, для самых странных фантазий существует великий огонь, в котором они сгорают и воскресают» [10, с. 90]. Подобная запись, строго говоря, не является черновиком. Однако значима сама отсылка к написанному произведению, одному из немногих текстов Кафки, опубликованных при жизни.

В дневниках Л. Н. Толстого мы также можем найти зарисовки, наброски будущих произведений. Толстой, который вел дневник (с определенными перерывами) на протяжении всей своей жизни, делает записи также во время своего пребывания в 1854–1855 гг. в Севастополе, ставшем ареной военных действий во время Крымской войны 1853–1856 гг. В ноябре 1854 г. он записывает в дневнике: «В Одессе рассказывали мне трогательный случай. Адьютант дежурного генерала приехал в N-ский госпиталь, где лежат раненые 4-го корпуса из Крыма. Главнокомандующий, князь Горчаков, сказал он им, приказал благодарить вас за храбрую вашу службу и узнать ... Урра! – раздались слабые и недружные голоса со всех коек. Славная, великая награда Горчакову за его труды. Лучше портрета на шею» [11, с. 143]. Затем эти размышления найдут отражение в первом из Севастопольских рассказов, «Севастополь в декабре месяце»: «Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, – о временах, когда этот герой, достойный древней Греции, – Корнилов, безбоязненно войска, говорил: «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», – и наши

русские, неспособные к фразерству, отвечали: «Умрем! Ура!» – только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом» [12, с. 108].

Манфред Юргенсен замечает, что «для многих поэтов дневник остается прежде всего рабочей тетрадью». Однако дневник выступает в роли черновика не только для писателя. Сам М. Юргенсен видит аналогичную функцию дневника в дневниках художников, в частности Э. Дега.

В случае политических деятелей, дневник может быть также рассмотрен как исторический черновик. В качестве примера интересно рассмотреть дневник Йозефа Геббельса, который создавался в период с 1924 по 1945 год. Примечательно, что текст можно разделить на два блока – то, что было написано до 1941 г., когда Геббельс самостоятельно ежедневно заполнял дневниковые страницы размышлениями и планами, и то, что создавалось после этого периода и вплоть до последних дней его жизни – это надиктованные стенографистке тексты, впоследствии перерабатываемые им в политические монологи. В связи с этим дневники первого периода, конечно, будут в большей степени интересны для исследователя, поскольку здесь «не только дается оценка важнейших политических событий. Они свидетельствуют о психологическом фоне, побуждающем автора записей к властным действиям, либо приоткрывают завесу редких для дневниковых записей меланхолических откровений» [13, с. 3].

Однако факт принадлежности дневника историческому деятелю далеко не всегда будет обозначать, что этот дневник относится к типу исторического черновика. В качестве примера приведем дневник Николая II [14], который он вел с 13 лет (1892 г.) до июня 1918 г. (дневник обрывается 30 июня, а 17 июля царская семья уже казнена). Однако единожды выбранная структура дневника не меняется на протяжении всей жизни. Упоминаются погода, взаимоотношения с семьей (жена (в тексте называемая Аликс), мать, дети, чаще Алексей), некоторые члены кабинета министров, однако даже самые значимые, трагические события упомянуты вскользь, а иногда и вообще не упомянуты. Так, например, события на Ходынском поле описаны следующим образом: «19-го мая. Воскресенье. С утра началось настоящее пекло, продолжавшееся до вечера. В 11 час. пошли с семейством к обедне в церковь рожества Богородицы наверху. Завтракали все вместе. В 2 ч. Аликс и я поехали в Старо-Екатерининскую больницу, где обошли все бараки и палатки, в которых лежали несчастные пострадавшие вчера. Уехали прямо в Александрию, где хорошо погуляли. Выпив там чаю, вернулись назад. В 7 ч. начался банкет сословным представителям в Александров, зале. Разговоры после продолжались недолго. В 9 1/2 ч. поехали вдвоем к д. Сергею; осмотрели их дом и пили чай с Викторией, Ludwig и д. Павлом» [14, с. 218]. И уже на следующий день происходившее на Ходынском поле почти не упоминается. Также кратко, сжато, только фактами описаны и февральская, и октябрьская революции. Даже за месяцы до смерти, уже находясь под стражей, Николай кратко упоминает факты, свое местоположение, бытовые подробности, он не ропщет на происходящее, не пытается проанализировать ситуацию, объяснить, каким образом стало возможным произошедшее: «25 июня. Понедельник. Наша жизнь несколько не изменилась при Ю[ровском]. Он приходит в спальню проверять целостность печати на коробке и заглядывает в открытое окно. Сегодня все утро и до 4 час. проверяли

и исправляли электр[ическое] освещение. Внутри дома на часах стоят нов[ые] латыши, а снаружи остались те же – частью солдаты, частью рабочие! По слухам, некоторые из авдеевцев сидят уже под арестом! Дверь в сарай с нашим багажом запечатана. Если бы это было сделано месяц тому назад! Ночью была гроза, и стало еще прохладнее» [14, с. 657]. Таким образом, дневник императора Николая II – это яркий пример дневника, вызывающего интерес исследователей и широкой аудитории не вследствие значимого содержания, возможности детального погружения в эпоху, но исключительно от интереса к автору.

Дневник писателя не обязательно будет целиком представлять из себя черновики. Очень часто наброски тех или иных работ прерываются бытовыми записями о повседневных событиях, описание которых позволяет нам глубже проникнуть в жизнь автора, понять, что стало мотивом, послужило толчком к созданию того или иного текста. Несколько пограничную позицию занимают в этом случае дневники «соратников» известных людей, жен, сестер, любовниц, друзей, секретарей. Это дневники несут аналогичную функцию, однако внимание концентрируется не на внутреннем мире автора, а на внешних событиях, проявлениях.

Если дневники-черновики чаще принадлежат писателям, политикам или историкам и попадают под призму исследователя благодаря тому, КТО является их автором, т.е. дневники, которые становятся интересны читателю и исследователю (скорее, с психологическо-общечеловеческой зрения) из-за того, ГДЕ и КОГДА они были написаны. Это дневники, созданные в период «великих потрясений» как общественного характера (войны), так и частного (тюремное заключение, болезнь). Для подобных дневников характерна ежедневная фиксация мельчайших событий, здесь будут сталкиваться как общественно важные, так и бытовые, повседневные события. Дневник словно протоколирует исторически значимые события, происходящие в непосредственной близости от личных переживаний «я», автора записок.

В бытовом, повседневном дневнике количество составляющих его подвидов будет огромным. Однако здесь также можно выделить два подтипа – это дневники, которые ведутся длительный период времени, регистрируя как светлые события, так и житейские тяготы, и дневники, появление которых вызвано тем или иным стрессовым событием, войной, болезнью, сексуальным опытом, юношескими переживаниями, свидетельствующими о постепенном самоопределении.

Таким образом, подобная классификация позволяет разграничить дневники, фиксирующие личный опыт автора в разных его проявлениях и жизненных обстоятельствах, и тексты, являющиеся черновиками, которые найдут отражение в дальнейшей профессиональной деятельности создателя. Это делает возможным рассматривать тексты дневников, принимая во внимание одновременно личность автора и особенности построения текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blythe R.. The pleasure of diaries. New York: Pantheon Books, 1989. 388 с.
2. Bogaert C., Lejeune P.. Le Journal intime : histoire et anthologie. Lyon: Textuel, 2006. 144 с.
3. Hocke G. R.. Europäische Tagebücher aus vier Jahrhunderten: Motive und Anthologie. Limes: Fisher, 1991. 1136.
4. Jurgensen J.. Das Fiktional Ich (Untersuchungen zum Tagebuch). Bern und Munchen: Franckle Verlag, 1979. 358 с.

5. Mallon T.. A book of one's own people and their diaries. New York: Tickner and Field, 1984. 314 с.
6. Wuthenow R. R.. Europäische Tagebücher. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1950. 238 с.
7. Агапов А. Б.. Дневник Йозефа Геббельса, Прелюдия «Барбароссы». М.: Палеотип, 2002. 504 с.
8. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ад Марингем Пресс, 2014. 224 с.
9. Дневники императора Николая II. 1894–1918. М.: РОССПЭН, 2013. 824 с.
10. Зайончковский П. А.. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Москва: Книга, 1976–1989. 13 тт.
11. Зализняк А. А.. Дневник: к определению жанра // Новое Литературное Обозрение. 2010. 106 с. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html>
12. Кафка Ф.. Дневники, Москва: АСТ, 2007. 606 с.
13. Толстой Л. Н.. Собрание сочинений в 20 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1985. 518 с.
14. Толстой Л. Н.. Собрание сочинений в 20 т. Т. 19. М.: Художественная литература, 1985. 623 с.

Поступила в редакцию 18.05.2015 г.

ASPECTS OF THE DIARY GENRE© **M. V. Romashkina***Moscow State University**GSP-1, Leninskie gory, 119991 Moscow, Russia.**Phone: +7 (916) 935 89 81.**Email: m.romashkina@mail.ru*

The article is devoted to the aspects of the diary genre. At the first part of the article, the diaries that are currently available for readers and the aspects of this availability are considered. These are either the diaries of the 13th–17th centuries, that are interesting for the scientists due to the genre or the diaries that were published because their authors were already known in various spheres of life for their great achievements. Both types of diaries can be interesting for the psychologists as there are many emotional conflicts within these texts, for historians as many diaries were kept by politicians and people close to them, for sociologists as there are plenty of social conflicts in these texts and literary critics as the diaries are usually kept by writers. Although various scientists offer the multinomial classifications of diary genre, in the article the polynomial classification is being offered. The diary genre is divided into draft-diary and day-to-day diary. The draft-diary can be not only the diary of a writer, as the politicians and artists can also use the diary as so called platform for future creations. The day-to-day diary usually describes either the mental state of an author or his or her communication with the people around. Usually it is impossible to classify the diary only as the draft or a day-to-day one; usually these are the splendid combinations.

Keywords: *literature science, diaries, biographies, memoirs, journals.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Blythe R. The pleasure of diaries. New York: Pantheon Books, 1989. 388 c.
2. Bogaert S., Lejeune P. Le Journal intime : histoire et anthologie. Lyon: Textuel, 2006.
3. Hocke G. R.. Europäische Tagebücher aus vier Jahrhunderten: Motive und Anthologie. Limes: Fisher, 1991. 1136.
4. Jurgensen J.. Das Fiktional Ich (Untersuchungen zum Tagebuch). Bern und München: Francke Verlag, 1979. 358 c.
5. Mallon T. A book of one's own people and their diaries. New York: Tickner and Field, 1984. 314 c.
6. Wuthenow R. R.. Europäische Tagebücher. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1950. 238 c.
7. Agapov A. B.. Dnevnik Iozefa Hebbelsa, Preljudiya «Barbarossy» [The diary of Joseph Goebbels, prelude to "Barbarossa"]. Moscow: Paleotip, 2002.
8. Bart R. Rolan Bart o Rolane Barte [Roland Bart about Roland Bart]. Moscow: Ad Maringem Press, 2014.
9. Dnevniky imperatora Nikolaya II. 1894–1918 [The diaries of Emperor Nicholas II. 1894-1918]. Moscow: ROSSPEN, 2013.
10. Zaionchkovskii P. A.. Istoriya dorevolyutsionnoi Rossii v dnevnikh i vospominaniyakh [The history of pre-revolutionary Russia in diaries and memoirs]. Moscow: Kniga, 1976–1989. 13 tt.
11. Zaliznyak A. A.. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra. Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2010. 106 pp. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html>
12. Kafka F. Dnevniky [Diaries], Moscow: AST, 2007.
13. Tolstoi L. N.. Sobranie sochinenii v 20 t. Vol. 2 [Collected works in 20 volumes. Vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985.
14. Tolstoi L. N.. Sobranie sochinenii v 20 t. Vol. 19 [Collected works in 20 volumes. Vol. 19]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985.

Received 18.05.2015.